

Е. Тоддес.

СТАНОВЛЕНИЕ ЖАНРА ПОЭМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ПУШКИНА.

Первая поэма пушкина "Руслан и Людмила", как известно, явилась событием в русской литературной жизни начала XIX века, вызвала оживленную журнальную полемику. И хотя для Пушкина "Руслан" вскоре же оказался пройденным этапом, поэма и литературные обстоятельства ее появления остались значительным фактом творческого пути поэта.

Б. В. Томашевский, анализируя лицейское творчество Пушкина, отметил свойственное поэту "явное тяготение к крупным монументальным формам. Пушкина привлекают поэмы, а не лирические сборники"^{1/} " ... Не в создании мелких стихотворений видел Пушкин основную задачу поэтического творчества. С первых шагов он пытается создать крупное произведение"^{2/}

Это стремление и было осуществлено в "Руслане". В то же время первая пушкинская поэма решила поставленную арзамасцами задачу, над которой работали Жуковский и Батюшков, — создание большого эпического произведения на историко-фольклорном материале. Все это определяет важность вопроса о формировании жанра поэмы у Пушкина, о развитии его раннего стихотворного эпического творчества.

1/ Б. Томашевский. Пушкин, кн. II, изд. АН СССР,

2/ Там же, стр. 485.

м.-л. 1961, стр. 350.

В рамках поставленного вопроса следует выяснить, во-первых, соотношение "Руслана и Людмилы" с лицейскими эпическими опытами и, во-вторых, - связь ранней эпической поэзии с лирикой соответствующего периода.

простое сравнение показывает, что написанные в лице произведения повествовательного рода прямо не ведут к "Руслану". Надо учитывать и то, что "Монах" и "Бова" - опыты незавершенные. Единственное законченное лицейское произведение, которое можно считать поэмой, - "Тень Фонвизина" - по своей тематической и жанровой специфике занимает особое место. Поэтому, чтобы составить сколько-нибудь полную картину развития жанра и появления "Руслана и Людмилы", необходимо привлечь и материал лирики.

Как мне кажется, можно говорить об определенном объединяющем начале в раннем эпическом творчестве пушкина, которое обеспечивает некоторую ведущую линию становления жанра поэмы. прежде всего, заметно единство настроения, основанное на гедонистическом, жизнелюбивом мировосприятии молодого Пушкина. То же мы видим и в лицейской лирике, но там в 1816-1817 г. г. происходит поворот к элегическому направлению. в эпических же произведениях, как в "Монахе" и "Бове", написанных в 1813 и 1815 г. г., так и в "Руслане", над которым Пушкин работал в 1817-20 г. г., ощущается единое, устойчивое настроение. При этом важно, что положение не меняется и в "Руслане", где широко применен опыт элегической поэзии. Конкретизировать отмеченную общность помогает, например, стихотворение 1814 г. "Mon portrait" /написано по-французски/. такая поэма, как "Монах", а затем и "Руслан" естественно выходят из-под пера поэта, заявлявшего о себе:

Я молодой повеса,
Еще на школьной скамье;
Не глуп, говорю не стеснясь
И без жеманного кривлянья
.....
Спектакли, балы мне очень нравятся,
и если быть откровенным,

Я сказал он, что я еще люблю...
если бы не был в Лицее

.....
Сущий бес в проказах,
Сущая обезьяна лицом,
много, слишком много ветрености
Да, таков Пушкин

/ 1, 499 /

Надо отметить повышенный интерес поэта к любовной теме:

Одушеви перо мое, любовь !

/ "Монах", 1, 12 /

Так ты прав, оракул Франции,
говоря, что жены слабые
Против стрел Эроса юного,
Все имеют душу добрую,
Сердце нежно-непритворное.

/ "Бова", I, 70 /

Я не Омер: в стихах высоких
Он может воспевать один
Обеды греческих дружин
и звон и пену чаш глубоких.
Милее, по следам Парни,
Мне славить лирою небрежной
И наготу в ночной тени,
и поцелуй любви нежной!

/ "Руслан и Людмила",
1У, 54 /

Напомню, что некоторые критики ставили в вину Пушкину ряд эпизодов "Руслана и Людмилы", показавшихся им нескромными / с этой стороны "Руслана" и "Монаха" соприкасается позднейшая "Гавриилиада" /.

Рассматриваемое объединяющее начало раннего эпического творчества пушкина включает в себя и "вольтерьянский дух", свойственные "Руслану" и лицейским опытам. Важен именно общий дух насмешки, иронии, выдвигание и обыгрывание эротики, а не только прямые обращения ав-

тора к Вольтеру в "Монахе" и "Бове". I/

В связи со всем сказанным находится то, что эпический замысел Пушкина и в "Монахе", и в "Бове", и в "Руслане" был замыслом шуточного, комического, развлекательного повествования. Правда, известно, что Пушкин в Лицее намеревался написать также героическую и описательную поэму, но это вряд ли противоречит выделенной здесь основной линии развития раннего повествовательного творчества поэта. Во-первых, замыслы героической и описательной поэм, вероятно, так и остались замыслами, а известные нам произведения сходны по настроению, "вольтерьянству", присутствие комического и эротического моментов. Во-вторых, - и это главное - "Руслан и Людмила" полностью реализует и завершает именно указанное направление эпической поэзии, и все отмеченные черты имеются также и в поэме.

Характерна сама запись в дневнике Пушкина от 10 декабря 1815 г., из которой мы узнаем о его намерении написать героическую поэму:

"Третьего дня хотел я начать ироническую поэму: Игорь и Ольга, а написал эпиграмму на Шаховского, шихматова и Шишкова, - вот она:

Угрюмах тройка есть певцов:
Шихматов, Шаховской, Шишков.
Уму есть тройка супостатов:
Шишков наш! Шаховской, Шихматов.
но кто глупей из тройки злой?
шишков, шихматов, Шаховской! - "

/ XII, 298/

См. А. Л. Слонимский. первая поэма Пушкина - в кн.

"Пушкин. Временник пушкинской комиссии", изд. АН СССР, 5, М-Л, 1937, стр. 200.

С этой эпиграммой сопоставима другая - "Пожарский, Минин, Гермоген..." /181>/, высмеивающая эпопею Ширинского-Тихматова. Вообще, литературная позиция Пушкина исключала подражание классической эпопее/ср., в частности, в послании "к Жуковскому" - "Те слогом Никона печатают поэмы"/, к опыту которой он обратится лишь спустя много лет в "Полтаве". В период формирования жанра поэмы героическое содержание включается в шутливое сказочное повествование /песнь У1 "Руслана и Людмилы"/. Именно такое решение отвечало основной тенденции раннего эпического творчества Пушкина.

Относительно же замысла поэмы "Игорь и Ольга" можно предположить, что это явление того же порядка, что и работа Жуковского и Батюшкова над созданием произведения на основе национальной истории и фольклора. Эта линия, начатая свое воплощение в "Руслане и Людмиле", в 1822 г. продолжается в замысле поэмы о Мстиславе, известной нам по плану, который, однако, Пушкин не реализовал.

Перейдем теперь к конкретным жанрово-стилевым чертам, изменение которых прослеживается от лицейских опытов до "Руслана и Людмилы". Эти наблюдения касаются сюжета, характера комического, роли автора-рассказчика в повествовании.

В "монахе" комизм создается, в основном, за счет построения соответствующих ситуаций; шутка везде прямолинейна и единообразна - суть ее в столкновении зротики и благочестия. Сюжет исчерпывается развитием комического действия. Этот факт, а также то, что, кроме монаха,

в поэме еще лишь один персонаж /фантастический/ показывает, что пушкин прежде всего преследовал цель создания комического повествования, отказываясь на первых порах от развитого авантюрного действия. Во всяком случае это вытекает из написанных трех частей, обладающих определенной завершенностью, несмотря на то, что работа над поэмой была прервана. "Монах" наметил обращение к фантастическому комическому сюжету. в "Бове" комический сюжет становится также и авантюрным - написанная часть является завязкой авантюрного действия. "Руслан" при всем его своеобразии соприкасается с традицией сказочно-богатырских поэм. "Бова" представляет собою обработку сказочного сюжета и в этом смысле самостоятельно связан с "Русланом и Людмилой". В 1822 г. пушкин возвращается к замыслу поэмы о "Бове" и разрабатывает подробный план ее. Таким образом, два неосуществленных замысла пушкина южного периода - поэмы о Мстиславе и Бове - восходят к его раннему эпическому творчеству.^{1/}

В лицейских повествовательных опытах заметны следы грубоватого комического стиля, характерного для низких жанров классицизма, в частности для трагестированных поэм. Однако, по сравнению с "Бовой" Радищева, в пушкинском "Бове" этот "Ирои-комический" стиль смягчен. С другой стороны, в "Монахе", а затем - и более широко - в "Бове" появляются элементы иронии /например, сцена совета в "Бове" снабжена ироническими репликами автора/.

1/ Об интересе пушкина к сюжету сказки о Бове см. статьи М. А. Цявловского "Бова" /отрывок из поэмы/ в его книге "Статьи о Пушкине", изд. АН СССР, 1963, с. 90-105.

Шутливая поэма получает как черты снижения, так и элементы иронии в качестве более тонкого стилизового средства. Именно оно и оказалось продуктивным: ироническая насмешливость, с какой автор относится к происходящему, к героям, а в отступлениях и к читателю, является одной из существенных особенностей стиля "Руслана и Людмилы". Есть в "Руслане" и комические ситуации /таковы сцены бегства Фарлафа, признания няини, эпизод Людмилы и Черномора в песни П/, но юмор "Ирои-комического" типа почти не находит применения. Следовательно, при развитии жанра происходит "уточнение" комического от простого комизма положений к иронии, окрашивавшей повествование в целом. В этом отношении лицейские опыты показывают, от чего шел поэт, и в зачаточном виде - элементы будущего стиля "Руслана и Людмилы".

Поэма о поэтах-современниках "Гений Фовизма", как уже сказано, стоит несколько особняком. Здесь насмешка Пушкина вызвана злободневными литературными обстоятельствами. В этом смысле поэма отходит от основной линии становления жанра - как шутливого фантастически-сказочного повествования - в сторону сатиры на материале современной литературной жизни. Можно отметить, что литературная современность, являющаяся темой "Гения Фовизма", присутствует и в "Руслане" - в отступлениях и в знаменитом пародировании "Двенадцати спящих дев". Более того, мы встречаем это уже в "Монахе":

И снова бес Монаха соблазнять,

Чтоб уснуть, Боорова стал читать. /I, Kz/

важнейшая жанрово-стилевая черта "Руслана и Людмилы" — это активная, организующая позиция автора-повествователя. Здесь также надо отметить известный опыт, накопленный в лицейских поэмах. в "Монахе" и "Бове" после традиционных зачинов рассказчик продолжает оставаться на первом плане. В небольшом по объему "монахе" три авторских отступления. Одно из них прямо направлено против церкви. Второе можно считать собственно лирическим: оно содержит интимный любовный мотив и краткую автохарактеристику /"Я молод, не пострижен и счастьем нисколько не обижен". I, 13/. Третье отступление развивает риторический вопрос "Ах, отчего мне дивная природа Корреджио искусства не дала?" /I, 17/. Это обращение к другому искусству встречаем затем в "Сне" /I 816/ — "Подайте мне Альбана кисти нежны" /I, 189/; в "Руслане" — "Бери свой быстрый карандаш, рисуй, Орловский, ночь и сечу!". /IV, 35/.

В "Бове" роль автора поддерживается включениями реплик рассказчика, его обращений к читателю непосредственно в повествование. Благодаря этому автор все время ощущается, хотя развитых отступлений в "Бове", в отличие от "Монаха", нет. В "Руслане и Людмиле" во множестве присутствуют и целые отступления, и отдельные замечания, вопросы, восклицания автора. Качественно новый момент, которого еще не было в лицейских опытах, это, по словам Б.В.Томашевского то, что в "Руслане" "не столько

самые события, сколько общение с автором поэмы через его рассказ составляют сущность новой формы поэмы. I/

Сравнение "Руслана и Людмилы" с предшествующими эпическими опытами показывает, что ряд жанрово-стилевых черт, определяющих поэму, в неразвитом виде употреблен уже в этих опытах. Однако, нет такого произведения, которое являлось бы промежуточным звеном между формирующимися чертами жанра и стиля в лицейских произведениях и соответствующими особенностями "Руслана и Людмилы". Сами эти черты лицейских поэм становятся заметными лишь благодаря ретроспективному свету "Руслана и Людмилы". "Разрыв" восполняется материалом другого рода - лирического.

Первый эпический опыт выделяет две точки соприкосновения с лирикой: пасторально-анакреонтические мотивы, во-первых, и интимные, во-вторых. "монах" тесно связан с циклом пасторально-анакреонтических стихотворений.

Казалось ему, что средь долины,
Между цветов, стоит под миртом он,
Вокруг него Сатиры, Фавнов сонм.
Иной смеясь льет в кубок пенны вина;
Зеленый плющ на черных волосах,
И виноград на голове висящий,
И легкий фирз, у ног его лежащий,
Все говорит, что вечно-юный Вакх,
Веселья бог, сатира покровитель. /1, 14-15/.

Как видим, воспроизводится общее место пасторального стиля. дважды в "Монахе" дается излюбленный мотив преследования пастушки, причем в одном случае он помещен в авторском отступлении, где связывается с интимным любовным воспоминанием. Таким образом, рядом с анакреонтикой намечается и использование тем интимной любовной лирики, вокруг которых построены два из трех отступлений. Они связаны со стихотворением 1815 г. "к Наталье". Две лирические темы в поэме соседствуют и взаимодействуют, не отделяясь отчетливо одна от другой: личные мотивы оформлены с помощью анакреонтики. Отмечу также переключку зачина-отступления песни третьей в "Монахе" со стихотворением 1815 г. "к живописцу".

пасторальный стиль, как условно-литературный, обретает свое развитие в "Руслане и Людмиле". В "Руслане и Людмиле" находим лишь единичные отголоски этого стиля. Таково лирическое отступление в песни У:

Пастушки, сон княжны прелестной
Не походил на ваши сны,
порой томительной весны,
на мураве, в тени древесной.
Я помню маленький лужок
Среди березовой дуравы,
Я помню темный вечерок,
Я помню lids сон лукавый...

/12, 66/

Интересно, что и в этом случае пасторальный стиль привлекается для оформления личной темы, как это было

в "Монахе". О своих первых увлечениях поэт говорит, как бы возвращаясь к языку первых поэтических опытов. Как и там, в "Руслане и Людмиле" в избытке присутствуют гедонизм, эротика, но условная анакреонтическая форма для данного поэтического содержания почти полностью отпадает.

В эпос проникает одна из излюбленных тем ранней лирики Пушкина, широко представленная, в частности, в его посланиях, — эпикурейское уединение поэта. Как указывает Б. В. Томашевский, возможно, что отрывок "Сон" был попыткой дидактической поэмы на эту тему.^{1/} Сюда ведут нити от таких стихотворений, как "послание к Мдину", "послание к Галичу", "Городок", та же линия приводит к "Руслану", где эта сугубо лирическая тема оказывает активное воздействие на повествование: она привлекается в качестве мотивировки сюжетного решения. Само по себе решение это традиционно. Воин, прельщенный красавицей и замышляющий ради нее оранные дела, есть и у Тассо в "Освобожденном Иерусалиме" и в Бахариане Хераскова.^{2/} Но для Пушкина характерно лирическое осмысление традиционного образа. Ср., например, такие стихи в "Мечтателе" /1815/ "Прелестна сердцу тишина; Нежду, нежду за Славой". И далее:

1/ Б. Томашевский. Пушкин, кн. I, стр. 47.

2/ См. статью В. Закруткина "Незавершенные замыслы Пушкина в Кишиневе" в его книге "Пушкин и Лермонтов. Исследования и статьи". Ростиздат, Ростов-на-Дону, 1941, стр. 130-131.

"нашел в глуши я мирный кров И дни веду смиренно". I/
Древний витязь Ратмир оказывается прельщенным тем, чем увлекался - в стихах - молодой Пушкин:

Все тихо здесь - докучный шум укрылся -
За мой порог. /"Сон", I, 184

Вот почему можно говорить о столкновении повествования с лирическим мотивом. традиционный эпический сюжетный ход, получивший лирическое обоснование, дает анахронизм в характеристике героя. Хазарский хан времен князя Владимира объясняется как эпикуреец:

Душе наскучил бранной славы
пустой и гибельный призрак.
поверь: невинные заавы,
любовь и мирные дубравы
Милее сердцу во сто крат. /IУ, 70 /

Рассмотренный анахронизм имеет лирическую основу. еще более очевидна связь "Руслана и Людмилы" с элегической лирикой. Если анакреонтика дает в поэме отдельные отзвуки, мотивы эпикуреического уединения связываются с образом Ратмира и вызывает причудливый сюжетный поворот, то элегический стиль пронизывает всю поэму. Это, собственно, уже вопрос поэтического языка, но в данном случае неразрывно связанны с проблемой жанра, т. к. лексика и фразеология, типичная для элегии, для любовной лирики, впервые была применена в поэме. В связи с этим надо отметить, что "Монах" и "Руслан" различным образом связаны с лирикой.
I/ 1, 124.

подражательная пасторально-анакреонтическая лирика соотносится с повествованием в "Монахе" через отдельные эпизоды, отличные от повествования в целом, в которых разворачиваются лирические темы. Элегический стиль - более высокая ступень поэтической культуры, и Пушкин в "Руслане и Людмиле" использует его более сложно и многообразно. Эта сложность, в частности, состоит в том, что фразеология, ставшая традиционной в лирике, часто свободно включается в повествование, получая повествовательную же нагрузку, которая накладывается на первоначальное лирическое значение. Характерный пример - в песни У1. В одном месте читаем:

Упоенныи

Восторгом пылким и немым,
Руслан для жизни пробужденный,
Подъемлет руки вслед за ним... /1У; 81/

В той же песни вскоре:

народ, восторгом упоенныи,
Толпится с кликами кругом /1У, 84/

В первом случае употребление лирического "упоенный восторгом", как это и было бы в лирике, выполняет эмоционально-экспрессивную задачу в применении, однако, к чисто фольклорной ситуации - воскрешение мертвого. Второй случай еще более показателен: то же выражение относится теперь к эпическому "народу" древнего Киева и ставится привычно ввиду тяготения автора к определенному слогу. Не что подобное позднее встречается в черновике "Цыган":

И вот покинув ложа неги, -
высыпал народ.

/IY, 412/

Здесь снова в сочетании с "народом" выступает лирическое "ложе неги". Но в 1824 г. такое сочетание уже было невозможно для пушкина. В окончательном тексте выражение "ложе неги" мотивировано отнесением его к влюбленным - Алеко и Земфире. "народ" же - цыганы - определяется совершенно иначе:

"Оставьте, дети, ложа неги!"
и с шумом высыпал народ.

/IY, 102/.

Возвращаясь к 1820 г., к "Руслану и Людмиле" легко продолжить нужные примеры.

В мечтах надежды молодой,
В восторге пылкого желанья,
Творю послешно заклинанья, -

/IY, 18/.

Та же лирическая фразеология в "чистом" повествовании - рассказе Финна/песнь 1/.

Особо надо сказать о роли элегической фразеологии в построении образа Руслана. Здесь снова встречаем анахронизм, подобный отмеченному выше, но в данном случае он вызван не конкретной лирической темой, а исключительно использованием элегического языка. Современная Пушкину критика отметила странные в устах древнерусского витязя слова о "вечной темноте времен" и "траве забвенья". Ср. в типичной пушкинской элегии лицейского времени "К ней" /"Эльвина, милый друг, приди, подай мне руку...":

Ужеди никогда на друга друг не взглянет,
иль вечной темнотой покрыты дни мои?

/ I, 129/

Ряд подобных соответствий приводит В. в. Виногра-

дов.^{1/}

В другом монологе Руслана /песнь II/ - несколько вопросов, где лирическая риторика привлекается для передачи размышлений героя:

найду ли друга?

Где ты, души моей супруга?

Увижу ль я твой светлый взор?

Услышу ль нежный разговор?

Заключительные стихи этого монолога дают отчетливое стилистическое сплетение:

Нет, нет, мой друг бесценный:

Еще при мне мой верный меч,

Еще глава не спала с плеч. -1У, 25-26/

Все эти примеры, свидетельствуя об использовании в повествовании лирического стиля, говорят и вообще о широком проникновении лирической стихии в эпический жанр.

Б. П. Городецкий, комментируя стихотворение "К ней" /1817/, которое в известной степени предваряет "Я помню чудное мгновенье..", отмечает "новый мотив возрождения, зазвучавший с большой силой в послелицейской лирике

Пушкина уже в 1817 г."^{2/} Мотив этот попадает в поэму.

Ратмир так говорит Руслану о "пастушке":

она мне жизнь, она мне радость!

Она мне возвратила вновь

мою утраченную младость,

и мир, и чистую любовь. /IV, 70/.

1/В. В. Виноградов, Стиль Пушкина. Гослитиздат, М, 1941, стр. 45-46.

2/Б. П. Городецкий. Лирика Пушкина. Изд. АН СССР, М-Л, 1962, стр. 175.

198696

Образ Ратмира становится средоточием лирических мотивов: здесь, как мы видели, и эпикурейское уединение, и отказ от славы для "невинных забав", и возврат "утраченной младости" под влиянием любви. Герои эпического повествования, таким образом, приближается к лирическому герою пушкинских стихотворений.

В некоторых местах "Руслана" рассказчик говорит о своем поэтическом творчестве. Это позволяет сравнить отношение автора к своей литературной деятельности, как оно ошло выражено в первом эпическом опыте и в "Руслане и Людмиле". В "Монахе" автор декларирует уничижительное отношение к себе как к поэту:

А я - я вновь взмогнул на Парнас,
исполнившись иройскою отвагой,
Опять беру чернильницу с оумагом
и стану вновь я песни продолжать. /I, 18/

Это совпадает с тем, что мы находим в посланиях "Князю а. М. Горчакову"/"Пускай, не знаясь с Аполлоном...", 1814/, "Моему Аристарху" /1815/, "Ватюшкову" /1815/, где творчество трактуется как "плод веселого досуга", как результат "скудного дара" писать "кой-как стили на именины." Это не совсем, конечно, искреннее отношение к своим литературным занятиям в лицейский период вполне уживается у Пушкина с осознанным пониманием трудностей пути подлинного художника и высокой ответственности поэта - "К другу стихотворцу" /1814/, "к Жуковскому" /1816/, - с мечтой о будущем бессмертии своих произведений -

"Городок" /1815/. В дальнейшем, когда в 1816-17 г. г. на первый план выдвигается элегия, эта тема получает в соответствии с элегическим унынием иное раскрытие в таких стихотворениях, как "Любовь одна - веселье жизни холодной" /1816/, "Дельвигу" /1817/, "Элегия" /"Опять я ваш, о юные друзья..." /1817/:

Как дым исчез мой легкий дар.
/ II₁, 28/.

В "Руслане и Людмиле" отношение автора к себе как к поэту является одним из аспектов того своеобразного персонажа - рассказчика, который во многом определил жанровую новизну поэмы. С одной стороны, поэт предстает как "влюбленный болтун" с "легкой и небрежной лирой /зачин песни II/; в то же время в эпилоге появляется элегический мотив угасания творческого дара:

Но огонь поэзии погас.

Иду напрасно впечатлений:

Она прошла, пора стихов,

Пора любви, веселых снов,

Пора сердечных вдохновений!
/Iy, 87/

Таким образом, налицо параллелизм как с произведениями 1813-1815 г.г., в том числе с "монахом", так и с элегической лирикой 1816-1817 г. г. Изменение по сравнению с "Монахом" в рассматриваемом отношении происходит на основе развития лирического творчества.

Наконец отмечу отголоски "балладного" стиля в "Руслане и Людмиле". Это касается нескольких эпизодов с атрибутами обычного оссианического пейзажа. После одного из

таких пейзажей /песнь 3/ и следующего за ним описания влюбленного сна Руслана, перед появлением Фарлафа, дается балладный "сигнал":

Луна чуть светит над гором;
Объяты роши темнотою,
Долина в мертвой тишине...
Изменник едет на коне

/19, 73/.

В этой связи можно добавить указанное Б. П. Городецким воспроизведение в поэме мотивов стихотворения 1815 г. "Сраженный рыцарь" в песнях III и IV.^{1/}

Итак, в поэму "Руслан и Людмила" привнесены многообразные лирические темы и мотивы; они вызывают явления анахронизма в образах героев и даже влияют на сюжет; в эпическом жанре применен лирический стиль, выработавшийся в поэзии Жуковского, Вяземского и самого Пушкина 10-х годов. Дело идет гораздо дальше простого отражения лирики в эпическом произведении. В процессе становления жанра поэмы, начиная с "Монаха", лирика играет активную конструктивную роль, чем в значительной степени обусловлен стиль "Руслана" и его жанровое своеобразие.

Развитие ранней эпической поэзии Пушкина рассмотрено здесь в двух аспектах. С одной стороны, мы видели, что хотя прямой связи между "Русланом" и лицейскими поэмами нет, эпические произведения Пушкина 1813-1820 г. г. обладают известной жанрово-стилевой общностью. В этот период поэма мыслилась Пушкиным, главным образом, как шутивное, комическое, несколько фривольного характера,

повествование с фантастическим авантурным сюжетом. Такое повествование в "Бове" и "Руслане" строится на сказочном материале, причем в "Руслане" использованы также и исторические данные, взятые Пушкиным из "Истории" Карамзина. Эти жанровые черты перестают определять эпическую поэзию Пушкина уже после 1820 г. /за исключением "Гавриилиады"/. Замыслы южного периода - поэмы о Мстиславе, Бове, Актеоне, - которые, судя по планам, отчасти перекликаются с ранними поэмами, остались неосуществленными. Значительно более устойчивым оказался тот тип рассказа и рассказчика, который был намечен уже в "Монахе" и полностью развит в "Руслане", подготовив собой повествовательную манеру "Евгения Онегина".

С другой стороны, эпос впитывает в себя все разнообразие лирического творчества поэта. Если в "Монахе" лирические мотивы проникают в отдельные эпизоды или авторские отступления, то в "Руслане" лирическая стихия пронизывает все повествование и, что особенно важно, оказывает влияние на сюжет и образы героев. При этом лирическая лексика и фразеология составляют основу поэтического языка "Руслана и Людмила". Все это в какой-то мере предвосхищает некоторые черты романтической поэмы - следующего этапа эпического творчества Пушкина.

97 $\frac{5}{194}$

ЛАТВИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕТРА СТУЧКИ

Студенческое научное общество

97 $\frac{5}{194}$

~~Стушквинский~~
СБОРНИК

Рига
1965